

Светлана

Нуркенова

ПЕВЕЦ СТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

В истории Павлодарского Прииртышья он один из самых первых русскоязычных казахских поэтов. В его стихах проявляется яркая палитра жизни. Перед нами сплав казахских фольклорных ассоциаций с традициями русского стихосложения. Жанаталап Нуркенов обладал умением расцвечивать всеми красками мир, в котором он жил, делая его щедрым, приветливым.

Проф. Н. Г. Шафер

25 лет назад, 13 апреля 1997 года, трагически оборвалась жизнь замечательного поэта и человека Жанаталапа Кабиденовича Нуркенова, члена Союза журналистов СССР, потом – Республики Казахстан; делегата слёта писателей Целинного края.

В поэзию он пришёл в конце 1950-х годов, на гребне хрущёвской оттепели, когда стихи пользовались небывалым спросом; залы, где выступали поэты, были переполнены: появилась хоть и относительная, но всё же свобода творчества. О многом заговорили впервые. И поэзия первой откликалась на набравшие проблемы. Помимо острой социальной тематики зазвучал интерес и к отдельной человеческой личности, к внутреннему миру человека, к вечным вопросам бытия. Громко заявило о себе поколение молодых поэтов во главе с Евгением Евтушенко, которых позднее стали называть «шестидесятниками». А поскольку читателю проблемы эти были интересны сейчас, не дожидаясь, когда появится тот или иной сборник, – да и купить эти сборники было невозможно, ведь лирика стала голосом своей эпохи, – поэты сами стали выходить к читателю (слушателю, зрителю). Публичные чтения на эстраде, в парках, в музеях собирали огромные слушательские аудитории. Тогда же появился даже термин «эстрадная поэзия», то есть звучащая с эстрады. Павлодарские поэты работали в духе времени: их приглашали в школы, на предприятия, в клубы, в театр; сёла присылали за ними транспорт.

По-настоящему активно Жанаталап Нуркенов начал работать над стихами на рубеже 1950–1960-х годов, когда стал членом литературного объединения имени Павла Васильева, руководил которым в ту пору поэт, журналист Сергей Музалевский, умевший разглядеть одарённость, поддержать молодых поэтов, пестуя в них ростки таланта.

Ж. Нуркенов, будучи казахом, русскоязычен в силу особенностей жизненного уклада тех лет: война унесла отца, мать одна поднимала четверых сыновей,

и средой, формировавшей личность будущего поэта, были школа, пионерские, спортивные и музыкальные учреждения, сверстники – мальчишки с соседних улиц. Хорошо сказал об этом Вахтанг Кикабидзе: «Мы дети войны, и нас растила улица. Только улица тогда была другая. Там была взаимовыручка».

Позднее, обращаясь к впечатлениям детства, Жанаталап напишет:

...К мальчишке папа приезжал,
А мой отец сражался.
Отгрохотала та война
Жестоко по сердцам,
А я ночами звал назад
Своего отца...

Война сквозным мотивом проходит через всё творчество поэта. Он писал о фронтовиках, о подвигах рядовых солдат:

На братской русской земле Подмосковья,
Где берёзовый полог, как знамя, навис,
Родина с материнской любовью
Отцу поставила обелиск.

Писал о тридцати павлодарских комсомолках, которые добровольно ушли на фронт: «Уходили мужественных тридцать, / Чтоб войти в легенды и стихи...»; о судьбах фронтовиков в послевоенные годы: «Пусть лучше уж от творчества сядут, / Чем от печальных ужасов войны» («Дядя Миша»). В середине шестидесятых годов, когда решался вопрос, распространяется ли на военных преступников в судебной практике статья о сроке давности, он с гневом и горечью восклицал: «За давность шрамы не упрятать / И ноги вновь не отрастить! / У матерей – седые пряди, / У отцов – кресты».

Журналист Тамара Карандашова очень точно подметила: «Война у него – как рубеж и точка отсчета, нравственное мерило, когда всё было по самому большому счету. О чем бы он ни писал. И сколько бы ни прошло лет. Наверно, как у всех детей войны». Видит ли он на берегу Иртыша мальчишку с удочкой – и тут же всплывает картина детства, обоженного войной. Пишет ли об Иртыше: «Похоронки – пальцев не разжать! – / И в Затон, и в Перелёт Гусиный...», или о судьбе списанного из армии старого коня: «День и ночь, как лошадь ломовая / Камни, брёвна, уголь и гробы... / Не до призов было, понимаю, / Сам хлебнул я этакой судьбы». И даже о собственной свадьбе: «На свадьбе не было отца. / ... Годами ранее / отца в пути настиг свинец – / шёл на задание».

Навсегда осталось у Жанаталапа трепетное отношение к фронтовикам. И к матери.

Она работала в двух-трёх местах – ну-ка, прокорми на мизерную зарплату санитарки четверых растущих мальчишек! – вечерами ходила на ликбез, успевая варить, шить, латать и пр. При этом была внешне суровым, но очень справедливым человеком. Была остра на язык и талантлива.

И снова ветер бьется в рамы,
А зимний вечер так тягуч...

Придет с работы скоро мама –
 И словно солнце из-за туч.
 Хотя ей было не до ласки –
 Война и нас четыре рта –
 Она волшебницей из сказки
 Для нас во всем была тогда.
 Войдёт, суровая, как сводка
 Информбюро в сорок втором... –

писал он в стихотворении «Мама», очень точно резюмируя суть образа матери в финальных строках:

Душа у мамы, как подснежник,
 Сквозь холод нежностью сквозит.

Стихотворения его во многом автобиографичны. Иртыш, степь, улицы старого города – это всё родина. И в своих стихах он неизменно обращался к ним, так как всё это составляло его суть, смысл существования. В то же время они с летописной точностью отражают то сложное время, в которое он жил, доносят мироощущение поколения военных лет с присущими ему раздумьями, душевными тревогами, устремлением к доброму и светлому.

В художественном мире поэта судьбы всех народов, населявших большую родину Советский Союз, близки, и беды тоже общие для всех – местных жителей, эвакуированных и депортированных народов. Иртыш несёт очищение и даёт жизненные силы и тем и другим:

И смолинки слез разбитых судеб,
 Брошенных войной в глухих углах,
 Мой Иртыш волной своей остудит
 И поднимет многих, кто ослаб.

Лирический герой его военных стихотворений – представитель этой общей судьбы, будь это мальчишка военных лет или убелённый сединами ветеран.

Общность судеб русских и казахов, христиан и мусульман – центральная тема неоконченной поэмы «Павлодар», заявленная уже в начале произведения:

Был аул станичный,
 Был форпост ветрячный
 В кирпичках коричневых,
 В сумерках кизячных.

Поднимались купола,
 Сыто медь звенела...
 Поднимался по телам
 Полумесяц белый...

Жанаталап Нуркенов – ярко выраженный евразийский поэт, в нём переплетены начала двух культур: рядом с персонажами русских сказок (Чародейка-Зима,

Снегурочка) встают герои казахского эпоса (Козы Корпеш, Баян-Сулу), при этом фольклорные сюжеты помещены в реальное художественное время и пространство: в прииртышские леса, в Баянаул, а лирический герой – наш современник. Как из казахского, так и из русского быта приходят в стихи поэта словесные образы: «Стоят стога, как куличи, / Метелью припорошены» – «Над поймой берег луком выгнут, / А небо юртой голубой»; «пахнет молоком кобыльим / Росы звенящая капель». В стихотворении «Павлу Васильеву» он прямо подчёркивает общность судьбы и устремлений русского и казахского народов:

Я знаю, Павел, роду твоему,
 Как нам – с лихвою выпало несчастье.
 Твои потери – общие долги,
 Не зря казах назвал тебя тамыром...
 От маслениц – до взвихренной байги
 Живём и жили общим миром.

Своими образными строчками Нуркенов обогащал русский язык, окрашивая его казахским национальным колоритом.

Будучи строителем, корреспондентом газеты «Строитель», Жанаталап Нуркенов много пишет о строящемся Павлодаре, о людях города и села. Это не просто зарисовки, но и попытки осмыслить происходящее с позиций общечеловеческих. Вот отрывок одного из ранних стихотворений – «Новичок»:

Жёсткие ладони...
 Бронзовые лица...
 Трап в натуге стонет.
 Ломит поясницу.
 Посерели роботы...
 Солнце, эй, не жги!
 Потаскай, попробуй,
 Эти вот мешки!

Наконец, присели
 В уголок у стен.
 Слышу сквозь веселье:
 – Молодец, Еркен!
 Удивляюсь многим
 Парням из бригады.
 Я, наверно, сильный,
 И они мне рады!

Удивительно просто и непосредственно передано состояние подростка, впервые в кругу бывалых людей познавшего и тяжесть, и сладость физического труда.

Тема труда, духовно облагораживающего человека осознанием своей причастности к большому, всенародному делу, является сквозной и в последующем творчестве поэта. Он показывает, что трудовые будни оборачиваются праздником, становятся источником счастья:

...Когда комбайны караванно
Разбудят степь разноголосьем,
Нарежет осень с каравая
Тяжёлых гнущихся колосьев,
И россыпь солнечных валков
До горизонта разбежится.
У хлеборобов в день такой
Сияют радостные лица!
...И каждый к радости причастен –
строитель, угольщик, студент...
Хлеб необычен этот – счастьем,
высоким счастьем для людей!
(«Хлеб»)

Так преобразование мира преобразует и самого человека: «Ребята, видно стоило рождаться, / Чтобы людям город подарить» («Голубые самосвалы»). Практическая деятельность человека показана как духовно-нравственное начало, как общее дело преображения бытия.

Е. Ф. Муратпаева в статье «Эволюция евразийской идеи» отмечает, что сущностью евразийского мироощущения является осознание евразийскими народами «культурно-исторического родства с народами исполинского материка Евразии», понимания ими принадлежности к единому целому. Об этом гражданская и военная лирика Нуркенова. Открытость человеку, любому народу и культуре, космосу, природе пронизывает его поэзию, равно как и синтез идей: идеи преобразования мира и идеи совершенствования человека.

Первоосновой мира, его онтологическим первоначалом в художественном мире Ж. Нуркенова является природа. Поэт, как и его далёкий русский предшественник П. Васильев, – прежде всего певец необъятной вольной степи, породившей в душе такое же представление о мире, широком и свободном: «Я степь люблю. Я здесь уверовал, / Что нету музыки без солнца!» («Степь»). Казахская степь – это простор: здесь «...в синеву рассвет плывёт, / проснулись кюи – и от струн / над степью кинулись в полёт»; над необъятной степью – такое же необъятное небо: «караторгай вдали растаял, / себя с лучами повенчав. / Ссылая трель невероятную, / он выше, выше к солнцу рвётся». Степь и солнце – истоки жизни и источники музыки. Степь наделена буйством красок: «В закате горизонт расплавится», «Накроет вызвездившим небом / Отроги чёрные Баян»; изобилием: «гоняла осень нас в набеги / катать арбузы по траве».

Но у поэта второй половины XX века степной пейзаж часто означен вехами сельскохозяйственной индустрии: «...комбайны караванно / разбудят степь разноголосьем»; «Рожь... Пшеница... Элеватор / маяком комбайнов...». Однако генетическая память, усиленная знанием истории и культуры прошлого, зовёт его к той, первозданной степи, где «обдаёт рассвет польнный» и «чабан утихшую отару / встревожил щёлканьем бича»... Профессор В. В. Мухин в статье «Два поэтических голоса» писал: «...в художественном мире поэта в преходящих вроде бы явлениях жизни всегда обнаруживается непреходящее, раскрываются вечные, нетленные эстетические ценности». Природа в художественном мире Нуркенова выступает также ценностным ориентиром.

Герой стихотворения «Вороной» – конь, выбракованный из армии, – выносит на себе бремя войны, разделяя участь людей: «нёс людское и своё несчастье». Но, невзирая ни на что, и в лирическом герое, и в его четвероногом друге живёт желание воли, простора, скачки – того, чем изначально жили в степи и джигит, и его конь:

Ах, зачем чеканное седло –
 Есть глаза – осколки майской ночи!
 ...Кинулись мы в степь из улиц узких,
 Мчались одичало и счастливо.
 («Вороной»)

В лирике поэта встречаем все времена года. В их смене В. Мухин очень точно видит «школу постижения меняющего свои лики прекрасного». Вот картина весны как откровение эстетических чувств поэта, к которым приобщается и читатель:

Я каждую весною удивляюсь,
 Как солнце по разливу отправляется.
 Я каждую весною восторгаюсь,
 Как тополь половодьем окрыляется,
 Осиною, разбухшею от сока,
 Жужжанием пчелы над первоцветом,
 Ветлюю, опустившей свои локоны
 В рассветы наступающего лета.

Но особенно созвучна его душе и творческому вдохновению зима:

Ах, зима, ты в румянце,
 В серебре, в снегирах.
 В белом снежном романсе
 Я себя потерял.

Зима соперничает лирическому герою в его трагические минуты, а перво-
 зданная чистота падающего снега оттеняет чистоту и свежесть первой любви:

...тихо-тихо по следам
 Падал снег на перекресток,
 Будто знал, что навсегда
 Уходить не так-то просто.

Зима для Жанаталапа Нуркенова невозможна без снега, метелей, снегирей: «Мне по ночам давно сугробы снятся, / в которых запылалы снегири...»; «с веток яблонь вместо яблок / летят в сугробы снегири».

В его художественном мире лирический герой, человек вообще, вписан в природу, слит с нею, он частица мироздания. И природа, в свою очередь, соперничает человеку, связана с его жизнью:

Похоронки – пальцев не разжать! –
И в Затон, и в Перелет Гусиный...
Где закат на отмели прижат,
Полыхнули пламенем осины.
(«Иртышу»)

...Мы не всё ещё спели –
Песнь с годами нужней.
Подпевайте, метели,
Крылья песни моей!
(«Метельные напевы»)

Своеобразны художественное время и пространство его лирики. В ней не только переплетены русское и казахское начала, но и взаимопроникают времена: прошлое (давно прошедшее, уходящее в глубь веков – и прошлое его детства), – и настоящее, его настоящее; вечное и временное.

Так, в стихотворении «Иртышу» проникновенная картина детства:

Приходил, как в детстве, к Иртышу,
Где качался в брызгах солнца плот.
А над ним весёлый чаек гомон –
Будто нет у них других забот.
Плотогоны шли вразвалку в город,
Доверяли нам смолистый плот, –

обрывается войной: «Похоронки – пальцев не разжать...», хотя прямо о войне здесь только похоронки. Но становится понятным, и почему «Не вернулись плотогоны в город, / Затянуло травами причал», и откуда здесь «Смолилки слёз разбитых судеб, / Брошенных войной в глухих углах». А в последних строфах попадаем в настоящее лирического героя:

Тишина, какая тишина!
Синева иртышской непорочность.
Здесь любовь моя – моя жена,
И друзья испытаны на прочность.

В лирико-философской миниатюре «Каменные бабы» переплетены вечное и настоящее, даже, пожалуй, устремлённое в будущее:

По ним дожди веками льются,
Песками хлещут их ветра...
Стоят безмолвнейшие лица,
Зарывшись в горький запах трав.
Их обдаёт рассвет полынный,
Но, ярой дикости верны,
Лишь содрогаются в порывах,
Когда проскачат табуны.

И коршун, тень над ними вскинув,
 Под облаками где-то тает,
 Как будто вспугнут криком скифа,
 Добычу в судорогах оставив.

Дожди, пески, ветра, полынь, облака, коршун, табуны, крик скифа – всё это вехи вечности, истории, бессменными свидетелями которых являются каменные бабы, и это впечатление усиливается несовершенным видом глаголов первой строфы, передающих незавершённость действия во времени (льются, хлещут, стоят) – и «ракеты, вышедшие в космос». С одной стороны, слышится восхищение безграничными возможностями человеческого разума, с другой – звучат вопрос и тревога: обретая одно, мы навсегда теряем другое, быть может, не менее значимое. Эта коллизия непреложна, но от этого она не менее трагична. Гордость за современность сменяется в последней строфе горечью сожаления о навсегда утерянных истоках:

Но не понять моих речей им –
 Я без доспехов, без коня...
 И исчезает дым кочевий
 Тех, что придумали меня.

Одно из его стихотворений начинается словами: «Любить, наверно, не отвыкну...» Они в полной мере отражают характер мироощущения этого замечательного человека и талантливого поэта. Он всегда верил в лучшее и любил жизнь во всех ее проявлениях, она бурлила в его поступках и стихах. Он обладал умением расцветивать всеми красками мир, в котором жил, делая его щедрым, приветливым. «Удачно найденные образы переполняли его», – писал поэт поэт Виктор Семерьянов.

Образы его, яркие и ёмкие, действительно, переполняли его: «От плотов – поверженного бора – / Шла такая светлая печаль!..» Светлая печаль – потому что как ни рады мальчишки покачаться на плотках, но эпитет «поверженный» бор говорит сам за себя.

Вот ещё несколько примеров: «Есть глаза – осколки майской ночи!»; «А выше – ветер за ковылью / В колосьях пробует запеть»; «Молчит, таинственно молчит / Тальник, на синь взерошенный»; «ягод стынущих янтарь / вдруг вспыхнет где-то в белой мгле»; «Где вы, где вы, метели – / Крылья белых гусынь?»; «Улетай – и возвращайся – / Я душой тебя держу». За некоторые образы его ругали «Это что ещё за импрессионизм?»: «...ствол / Давно покинутый листвою, / Вот-вот в безмолвье вскрикнет», «Я слышу смех / и вижу снег, / белый до отчаяния». Но чем же плох импрессионизм, если вместе с состоянием природы пронзительно показано состояние души лирического героя?

Эти строки – о ранних признаках весны: «Тоскливо блещет иней ночью, / А днем светлей голубизна. / И тянется к лучам из почек / К утру продрогшая весна».

Примечательны строки о Гильде Эрнестовне Кромер, эвакуированной в годы Великой Отечественной войны из блокадного Ленинграда, директоре детской музыкальной школы, которая тогда находилась на берегу Иртыша:

Она звала смычком и струнами.
Мы помним, как в руках её
То плыли витязи на стругах,
То Венский лес шумел листвою.

Увидев играющих на берегу ребяташек – Жанаталапа и его младшего братишку, она привела их в музыкальную школу и стала бесплатно обучать игре: одного – на скрипке, другого – на кобызе. Может быть, отчасти и она разбудила в Нуркенове поэтическое начало, хотя и мать его была способным импровизатором.

Его стихи печатали в областных и республиканских газетах и журналах, в коллективных сборниках, республиканских и областных; на них писали песни павлодарские и российские композиторы. О его поэзии писали журналисты и учёные, защищали студенческие дипломные работы и школьные научные проекты. Но персональные сборники «Прощальный взмах руки», «Джигит седого Иртыша», «Детские стихи», «Не покидай меня, строка» вышли, когда поэта уже не было в живых.

«Всегда жил без оглядок, отчаянно выдираясь из тесных рамок условностей – так, как велело сердце. Об этом и его стихи», – отметила журналист и писатель Людмила Гришина. Для поэта степи и родного Иртыша, как и для его жаворонка-караторгая, как для степных кюев, «нету музыки без солнца».

Из далёкой Австралии М. З. Шейнин, в прошлом преподаватель Павлодарского пединститута, пишет: «Всегда обидно и горько, когда талантливый человек уходит из жизни в расцвете сил. И всегда думаешь: как много он мог бы еще написать! А ведь его поэзия нужна людям! Его лучшие стихи дышат искренностью, в них чувствуется какая-то природная внутренняя мощь. Он не мог не писать стихов и, как бывает с одаренными людьми, в них он воплотил лучшую, чистейшую часть своей души, которая составляла её основу. Произведения поэта Нуркенова нужно издавать и популяризировать – в этом и заключается память о нем».

